

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.16>

Корниенко Наталья Владимировна

КВАЗИОНТОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Данная работа посвящена исследованию феномена постмодернизма с позиции "конкретной" метафизики П. А. Флоренского сквозь призму онтологической концепции языка, дополненной теорией симулякров Ж. Бодрийера. В статье вводится понятие квазионтологии в противопоставление нормативной онтологии и предпринимается попытка обоснования появления на ее фоне постмодернизма через три стадии семиозиса языка-знака относительно языка-символа. В ходе исследования автор приходит к выводу, что постмодерн, будучи образованным на почве квазионтологии, не может иметь под собой онтологических оснований и, следовательно, представляет собой иллюзию, созданную ненормативной онтологией, априорно сосуществующей наряду с Бытием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 72-76. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

8. **Ильин И. А.** Кризис безбожия [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/krizis_bezbojia/2/ (дата обращения: 14.08.2018).
9. **Ильин И. А.** О грядущей России. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
10. **Ильин И. А.** О сопротивлении злу силою [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/o-soprotivlenii-zlu-siloyu> (дата обращения: 14.08.2018).
11. **Кондратьева С. Б.** Этико-социальная проблематика в философии Н. А. Бердяева // *Sociologie člověka*. 2018. № 1. С. 24-26.
12. **Кондратьева С. Б.** Этико-философское наследие в творчестве Сергея Николаевича Булгакова // *Colloquium-journal*. 2018. № 3 (14): в 4-х ч. Ч. 2. С. 61-63.
13. **Кондратьева С. Б.** Этико-философское наследие русского религиозного ренессанса конца XIX – начала XX в. // Вестник Московского областного университета. Серия «Философские науки». 2018. № 2. С. 134-141.
14. **Лейбниц Г. В.** Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 49-194.
15. **Лосский Н. О.** Бог и мировое зло [Электронный ресурс]. URL: <http://lossky.filosoff.org/tvorchestvo/bog-i-mirovoe-zlo/> (дата обращения: 14.08.2018).
16. **Лосский Н. О.** Условия абсолютного добра [Электронный ресурс]. URL: <http://lossky.filosoff.org/tvorchestvo/usloviya-absolyutnogo-dobra/> (дата обращения: 14.08.2018).
17. **Трубецкой Е. Н.** Смысл жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/trubeckoi_smisl/ (дата обращения: 14.08.2018).
18. **Франк С. Л.** С нами Бог [Электронный ресурс]. URL: <http://franc.filosoff.org/tvorchestvo/s-nami-bog/> (дата обращения: 14.08.2018).
19. **Франк С. Л.** Свет во тьме [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/svet-vo-tme/ (дата обращения: 14.08.2018).
20. **Цепелева Н. В.** Проблема добра в философии Н. О. Лосского // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (52). С. 35-39.

PROBLEM OF THEODICY IN ETHICAL THOUGHT OF RUSSIAN RELIGIOUS RENAISSANCE AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Kondrat'eva Svetlana Borisovna, Ph. D. in Philosophy
Moscow State University of Education
sb.kondrateva@mpgu.edu

The article is devoted to the analysis of the theodicy problem in the heritage of Russian religious Renaissance thinkers at the turn of the XIX-XX centuries. Basing on the views of S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, I. A. Ilyin, N. O. Lossky and S. L. Frank the study highlights and analyzes the characteristic features of the understanding and objectivation of theodicy as a religious-philosophical doctrine of the justification of God through the ethical categories of good and evil, freedom and morality. The substantiation of the fact that the understanding of the problem of theodicy is inseparable from the ethical problems having priority character in the works of Russian philosophers is provided.

Key words and phrases: ethics; good and evil; freedom; moral philosophy; Russian religious Renaissance.

УДК 111.1

Дата поступления рукописи: 27.06.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.16>

Данная работа посвящена исследованию феномена постмодернизма с позиции «конкретной» метафизики П. А. Флоренского сквозь призму онтологической концепции языка, дополненной теорией симулякров Ж. Бодрийяра. В статье вводится понятие квазионтологии в противопоставление нормативной онтологии и предпринимается попытка обоснования появления на ее фоне постмодернизма через три стадии семиозиса языка-знака относительно языка-символа. В ходе исследования автор приходит к выводу, что постмодерн, будучи образованным на почве квазионтологии, не может иметь под собой онтологических оснований и, следовательно, представляет собой иллюзию, созданную ненормативной онтологией, априорно сосуществующей наряду с Бытием.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; семиозис; язык; символ; знак; имя; нормативная и ненормативная онтология; квазионтология.

Корниенко Наталья Владимировна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
nvkornienko07@gmail.com

КВАЗИОНТОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Феномен постмодернизма всегда вызывал неподдельный интерес как у отечественных, так и зарубежных философов во второй половине XX века, когда постмодернизм обрел все условия в утверждении себя в качестве

господствующей формы бытия. Однако, несмотря на достаточно широкую изученность проблематики постмодернизма, известные на сегодняшний день научные интенции носят в основном историко-антропологический и социально-философский характер в намерении имплицировать постмодернизм как один из этапов развития человеческой цивилизации.

Сегодня учеными предпринимаются многочисленные попытки дать определение постмодерну в зависимости от подходов к данному феномену. Большинство рассматривают постмодернизм как новую «онтологическую» парадигму, имеющую в своей основе идею разрушения ценностей и уклада жизни прошлого под влиянием вновь появившихся формаций.

Существует множество определений постмодерна в силу различных подходов к его изучению. Наиболее близкое сущностное определение представляет постмодерн как сегодняшнюю реальность, естественный этап в развитии цивилизации, социально-культурный феномен, отражающий нашу действительность. Однако данное определение не дает полного объяснения объекту нашего исследования в онтологическом аспекте. В связи с этим возникает сложность приведения к единому пониманию феномена постмодерна. Во многом данная проблема объясняется «семантической нестабильностью» [9, с. 121] самого феномена постмодернизма, в том числе и по причине отсутствия онтологической основы, на которой он мог бы быть выстроен.

В данной статье мы попытаемся показать отсутствие онтологических оснований у постмодернизма, используя авторский подход. Данный подход позволяет рассмотреть данное явление либо с позиции самого постмодернизма, находясь внутри квазиреальности и ощущая себя ее частью и воспринимая создаваемые ей иллюзионные смыслы и симуляции как само собой разумеющееся, либо за счет принятия позиции наблюдателя по отношению к квазиреальности – так называемому трансцендентному позиционированию по отношению к постмодернистской реальности.

Причиной невозможности отыскать онтологическую основу становления постмодерна являются изначально языковые, и как следствие этого – мыслительные модификации, повлекшие в первую очередь онтологические преобразования. В связи с этим мы считаем актуальным обращение к философии имяславия в аспекте рассмотрения постмодернизма сквозь призму онтологической концепции языка. В основе данной концепции лежит «конкретная» метафизика П. А. Флоренского, позволяющая наиболее полно рассматривать язык в единстве человеческого бытия. Язык в метафизике П. Флоренского не является системой знаков, поскольку, с позиции философии имяславия, знак по своему смысловому наполнению не может быть приравнен к символу. Символ составляет основу истинного бытия и обладает энергетическим потенциалом, в то время как данное свойство у знака отсутствует. Язык рассматривается с позиции слова, или Логоса, которое в традиции античной философии языка трактуется как высшая форма мысли. Эта форма мысли имеет свойство создавать совокупность образов, составляющих окружающую действительность. Символ в философии имяславия есть выражение и содержание одновременно, соответственно означающее и означаемое, тождественные друг другу и пропитанные энергией. По П. А. Флоренскому символ – это «Бытие, которое больше самого себя» [7, с. 287]. Подобное бытие мы принимаем за онтологическую норму и называем бытие-символ, или нормативная (классическая) онтология.

На определенном историческом этапе происходит раскол Символа на смысл и явление, изначально взаимодополняемые друг другом. В результате раскола сакральность (духовность) вещи постепенно утрачивает свою актуальность, ее заменяет пустота, которая начинает заполняться иными смыслами. Этот процесс распада Символа как онтологической нормы, который В. В. Канафьева именуется топологическим сдвигом [2, с. 30], становится условием для формирования новой онтологии, которую мы осмелимся назвать квазионтологией.

В нормативной онтологии господствует язык-символ, а в квазионтологии – язык-знак. Язык-символ и язык-знак являются векторами движения не только онтологических, но и парадигмальных процессов в обществе в том числе. При этом в рамках каждой из них наличествует собственная традиция.

Традиция нормативной онтологии характеризуется языком-символом, где кодом традиции выступает имя. В квазионтологии же мы сталкиваемся с традицией числа, задающей множественность в нашем бытии, в том числе и в мыслительных актах. Квазионтология предстает перед нами безличной реальностью, в которой господствуют массовость, пустота и отсутствие аутентичности. И постмодерн в нашем понимании является апогеем торжества квазионтологии.

Согласно выбранной нами методологии, формирование квазиреальности постмодернизма неразрывно связано с процессом разрушения Символа как нормативной онтологии.

Распад Символа неразрывно связан с процессом семиозиса языка, который проходит три стадии своего развития. Дополнив наш методологический подход концепцией симулякров Ж. Бодрийера в связке «подделка-производство-симуляция», мы можем отследить формирование квазиреальности постмодерна через призму трех стадий семиозиса языка-знака относительно языка-символа. На наш взгляд, применение идеи симулякров к идее разрушения Символа как нормативной онтологии способно наглядно показать формирование квазионтологии постмодерна.

На первой стадии семиозиса Символ являет собой Бытие. Этот этап характеризуется господством языка-символа над языком-знаком. Появившийся в результате материализации (меонизации) знак начинает вызывать нарушения в ядре символа, тем самым пытаясь симулировать его сакральную составляющую. В процессе десакрализации язык, для которого становится характерной «разбавленность бытия небытием», начинает фигурировать в качестве языка-знака. «Язык-Знак пытается воспроизвести структуру Языка-Символа и тем самым создает симуляцию, иллюзию, обман полноценного бытия, используя при этом доступные ему знаки...» [Там же, с. 131].

Вследствие топологического сдвига происходит смещение языка от символа в сторону знака посредством симуляции знаком смысловой составляющей символа. В структуре слова появляется материальный элемент (фонема). Утраченная энергия символа, заключающаяся до этого в имени, подвергается симуляции со стороны числа как принцип квазионтологии. Иллюзия, образованная в результате имитации сакральной составляющей Символа, формирует квазионтологию как «реальность», существующую наряду с нормативной (символьной) онтологией, кодом творения которой является имя. Квазионтология, в противопоставление традиции имени, задает множественность в нашем бытии, соответственно, доступным способом выражения для нее становится язык-знак.

Суть первой стадии семиозиса представляет собой симуляцию сакральной составляющей символического бытия, когда знак имитирует символ, тем самым подменяя истинное бытие иллюзорной реальностью. По нашему мнению, первый шаг к формированию квазионтологии постмодернизма.

Вторая стадия семиозиса. Данный период характеризуется явным расколом Символа на смысл и явление и активизацией знака в отношении имитации им уже не только самого символа, но и задействованием мыслительных актов на уровне модификации процессов познания истины. Вторгаясь в структуру Символа, материя вызывает смещение элементов Символа **друг относительно друга**, образуя пустоты на месте сакральной составляющей. В силу «природной» подвижности знака становится возможным изменение и нагромождение на него бесчисленных пустотных смыслов.

Вторая стадия семиозиса является предпосылкой возникновения квазионтологии постмодернизма. Это связано с процессом распада Символа, который затрагивает и мыслительные акты, вызывая подмену понятий. Как следствие, мы сталкиваемся с фактом смысловых модификаций за счет множественности означаемых по отношению к означаемым.

В основе второй стадии семиозиса лежит имитация мыслительных процессов, провоцирующих вызов смысловых модификаций, отличных от первообраза. Отдаленные от первообраза иллюзорные представления о вещи трансформируются в знаки, которые и есть копии исходных смыслов. Иллюзия бытия усиливает свое присутствие посредством интерпретаций смыслов знаками и существует наряду с истинным бытием, активно представая в качестве его симулякра.

На этой стадии язык находит свое осмысление с помощью логики. В этот период зарождается философия языка, в основе которой – семиотические изыскания, то есть объектом изучения предстает язык-знак. Мы можем обозначить вторую стадию как пусковую ядерную реакцию расщепления самого знака как такового на составляющие в отношении формирования квазионтологии.

Третья стадия семиозиса. На этом этапе на уровне репрезентации знака пустоты, образованные в процессе раскола, начинают заполняться собственными смыслами, запуская процесс размножения самих себя. Начинается процесс массового производства копий оригинала, который никогда не существовал. Это связано с лавинообразным процессом копирования множественности ускользающих смыслов. Язык-знак, посредством которого происходило копирование мыслительных процессов на второй стадии, начинает сам себя копировать. Тем самым, пребывая в апогее на фоне пустот, наполнившихся новыми иными смыслами, он создает подвижку для осмысления новых реалий.

В результате массового производства происходит тиражирование знака, которое вызывает распад смысловых конструкций. На этом фоне возникают условия зарождения гипертекста. Появляется феномен массовости, который привнес с собой определенные правила и закономерности. В силу этого, цивилизация встала на новый виток развития с позиции включенного в квазионтологию наблюдателя. В этот период появляются такие понятия, как массовая культура, массовое сознание, массовые коммуникации и т.п. Общество неизбежно сталкивается с фактом тиражирования вещей и понятий, дублирующих друг друга, влекущих появление у одного и того же слова различных значений. Для Ж. Бодрийера эта стадия представляет собой собственно симулякры, характеризующиеся для этого времени феноменами и явлениями, отражающими бытие современного человека. Симулякры активно вторгаются во все аспекты жизни человека, закрепляя различного рода модификации в его сознании. Они формируют квазиреальность, обусловленную в том числе потребностью общества в массовом производстве вещей и впоследствии их массовом копировании. Тем самым симулякры обеспечивают благоприятные условия для становления постмодернизма как явного проявления квазионтологии.

Тем не менее мы не можем говорить о возникновении постмодерна в начале XX века. Самого постмодерна в этот момент не существует, однако начинается активный сдвиг пластов нормативной онтологии в сторону квазионтологии, закладывающий тем самым все предпосылки для его появления.

Ж.-Ф. Лиотар отмечает, что постмодернизм «начался по меньшей мере с конца пятидесятых годов, обозначивших Европе конец ее восстановления. Он был более или менее быстрым в зависимости от положения страны, а внутри нее – от сектора активности; отсюда общая рассогласованность, затрудняющая изображение целого» [4, с. 14]. Философ говорит, на наш взгляд, о вхождении постмодернизма в активную стадию своего существования, требующего изучения и научного обоснования как вновь появившийся феномен. Неслучайно это время сопряжено с появлением работ таких авторов, как Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Бодрийер, У. Эко, М. Фуко и других мыслителей, пытающихся онтологизировать метаморфозы новой реальности постмодернизма.

Почти все исследователи выделяют основные характеристики постмодернизма, как то: ирония, нарушение, разрыв, пародия, гиперреальность, симуляция, распад. Идея разрушения в осмыслении постмодернизма заложена неслучайно, поскольку, согласно нашему подходу, он рожден в квазионтологии.

Умберто Эко определяет постмодернизм как «ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведёт к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности» [8, с. 89]. С ним

солидарен Хосе Ортега-и-Гассет: «...нашему времени присуще редкостное чувство превосходства над любыми другими эпохами; больше того – оно не приводится с ними к общему знаменателю, равнодушно к ним, не верит в образцовые времена и считает себя совершенно новой и высшей формой жизни» [6, с. 44].

Мысль о деструктивности постмодернизма разделяют Ю. Хабермас и И. Хассан. И. Хассан видит в постмодернизме подавление модернизма. У Ю. Хабермаса постмодерн является неизбежным крахом модерна, вызванным расколом «жизненной целостности» [Цит. по: 3, с. 3]. Постмодернизм предстает у Ю. Хабермаса в виде деструктуризации всего сущего на отдельные составляющие, рассматриваемые в узком понимании, не требующие слияния воедино.

Канадский филолог Линда Хатчеон одной из первых при описании постмодернизма употребила термин «пародийный уклад самосознания» [10], интуитивно приближая свои исследования к идее квазионтологического осмысления постмодернизма.

Фредерик Джеймисон обозначает постмодернизм как культурную доминанту пространства над временем, говорящую с обществом посредством пастиша, но не пародии. Постмодернизм у Джеймисона, «как и пародия, есть имитация особого или уникального стиля, это стилистическая маска, **это речь на мертвом языке**: но это нейтральный вариант имитации, без скрытых мотивов пародии, без сатирического импульса, без смеха, без этого внутреннего ощущения, что существует некая *норма*, в сравнении с которой имитируемая речь комична» [11, р. 65]. Обращаясь к пастишу как к форме экспрессии постмодернистского бытия, Джеймисон подсознательно ищет объяснения в философии языка. Он находит более подходящее осмысление ему как «имитации стиля» и «речи на мертвом языке» (в нашем понимании – языке-знаке). В своих исследованиях он приходит к выводу, что «все же в целом, постмодернизм для него это **тупиковая ситуация**, временный “паралич общества”, который должен быть и будет преодолен» [5].

Однако «преодоление» с позиции вовлеченного наблюдателя в постмодернизм, по нашему мнению, не представляется возможным. Вовлеченный наблюдатель в процессе исследования, наткнувшись на попытки экспликации феноменов, присущих постмодерну, невольно утопает в реалиях, созданных квазионтологией. Эти реалии он расценивает как полноценные составляющие, ощущая себя частью этой иллюзии, как обозначил постмодернизм британский литературовед Терри Иглтон. В этом обозначении мы видим интуитивное обращение Иглтона к истоку квазиреальности, в которой постмодерн представляется как интенсивная актуализация иллюзорной реальности.

Итак, под нормативной онтологией понимается онтология, характеризующаяся континуальностью времени и пространства и утверждающая Символ качестве кода творения. В нормативной онтологии наличествует традиция имени. Существует также симуляционная модель онтологии, задающая традицию числа, кодом творения которой является знак, она же есть квазионтология. В рамках квазионтологии также существуют физикалистские пространство и время, отраженные в современном привычном их понимании, например, в системе координат Р. Декарта. Квазионтология, в попытке утверждения себя в качестве истинной онтологии, формирует квазиреальность, одним из проявлений которой является постмодерн.

Квазионтология, будучи симуляционной моделью бытия, не имеет под собой онтологических оснований в силу ее происхождения на фоне пустоты и имеет **в своей основе условность**. Следовательно, невозможно говорить об онтологии, и в этом случае мы имеем дело с феноменом, который Ж. Бодрийяр описал как «нереальность галлюцинаторного самоподобия реальности» [1, с. 149], в которой везде «человек оказывается в убытке» [Там же].

С позиции трансцендентной квазионтологии наблюдателя, постмодернизм – это апогей проявления того иллюзиона, который представляет собой квазионтология. Постмодерн представляет собой гиперреальность, расширяющуюся за счет череды бесконечно меняющихся смыслов, в основе которой – «симулякры порядка симуляций» [Там же].

Итак, постмодерн представляет собой иллюзию, созданную ненормативной онтологией (квазионтологией), априорно сосуществующей наряду с бытием-символом и являющейся ее «перевернутым изображением». Сформированный на третьей стадии семиозиса как результат смысловых модификаций на уровне структуры языка, постмодерн предстает как феномен, произрастающий на фоне симуляции нормативной онтологии.

Поскольку, как мы выяснили в ходе исследования, квазионтология образована на почве раскола Символа как бытия, постмодерн и все, что образовано в рамках квазионтологии, не может иметь под собой онтологических оснований.

С точки зрения онтологии и авторского подхода на основе конкретной метафизики П. А. Флоренского, постмодернизм является следствием разрушения бытия-символа, влекущего за собой бесконечную дискретизацию всех жизненных процессов.

Список источников

1. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть / пер. с фр. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. **Канафьева В. В.** Язык и время. Философско-онтологический анализ: дисс. ... д. филос. н. Саратов, 2006. 321 с.
3. **Лиотар Ж.-Ф.** Постмодерн в изложении для детей. М.: Издательство РГГУ, 2008. 145 с.
4. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
5. **Нуржанов Б.** Культурная логика Фредрика Джеймисона [Электронный ресурс] // Тамыр: искусство, культура, философия. URL: <http://tamyr.org/?p=1660> (дата обращения: 20.04.2018).

6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 347 с.
7. Флоренский П. А., свящ. Сочинения: в 4-х т. / сост. Игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой; ред. Игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. Т. 3. 621 с.
8. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 88-104.
9. Hassan I. A Culture of Postmodernism // Theory, Culture and Society. 1985. № 2 (3). P. 119-131.
10. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism: Parody and History [Электронный ресурс]. URL: http://people.ds.cam.ac.uk/raa25/Papers/PoMo_files/Linda%20Hutcheon.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
11. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism (Post-contemporary Interventions). Durham: Duke University Press, 1991. 467 p.

QUASI-ONTOLOGY OF POSTMODERNISM

Kornienko Natal'ya Vladimirovna

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
nvkornienko07@gmail.com*

The article is devoted to the study of the postmodernism phenomenon from the position of the “concrete” metaphysics of P. A. Florensky through the lenses of the language ontological conception, supplemented by the theory of simulacra by J. Baudrillard. The author introduces the notion of quasi-ontology in contrast to normative ontology, and attempts to justify the emergence of postmodernism against its background through the three stages of the semiosis of the language-sign relative to the language-symbol. In the course of the study, the author comes to the conclusion that postmodernism, being formed on the basis of quasi-ontology, cannot have an ontological basis, and, therefore, it is an illusion created by non-normative ontology, a priori coexisting along with Existence.

Key words and phrases: postmodernism; semiosis; language; symbol; sign; name; normative and non-normative ontology; quasi-ontology.

УДК 101.1:316

Дата поступления рукописи: 05.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.17>

Террор к XXI столетию обрел масштаб глобальной угрозы социальному прогрессу и реально может стать политической глобальной проблемой номер один. Обращают внимание устойчивость положения террористов, расширяющиеся ряды и места дислокации, мобильность, техническое и финансовое состояние террористических формирований, в связи с чем особую актуальность приобретают исследование условий расширенного воспроизводства террористической деятельности, установление субъектного состава, ее динамики, четкость в определении «террора», «терроризма». Авторы провели историческое, логическое и социокультурное исследование процесса метаморфозы террора в контексте устойчивости его воспроизводства, акцентировав внимание на условиях и субъектах террористического движения.

Ключевые слова и фразы: террор; субъектный состав; условия воспроизводства террора; утрата автономности; глобализация; нигилизм.

Кочнев Евгений Анатольевич

Наумов Сергей Васильевич

*Сибирский институт международных отношений и регионоведения, г. Новосибирск
vulpinos@yandex.ru; saklab@ngs.ru*

Мишин Юрий Дмитриевич, к. филос. н., профессор

*Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск
filos@stu.ru*

УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Врастание террора в общий поток исторических изменений сопровождалось заимствованиями и проникновениями террористических идей, инструментов воздействия в смежные политические течения, участвующие в сопротивлении существующим общественным порядкам. Насилие всегда притягивает к себе насилие либо активизирует антинасилие, что, по сути, также является насилием. Борьба с террором включает в себя два основных направления: противодействие в режиме настоящего времени и профилактику, нейтрализацию и устранение условий террора. Первым занимаются правоохранительные органы, второе – работа всеобщая.

Объектом исследования являются условия устойчивости воспроизводства в историческом процессе террора, предметом – социокультурное содержание и изменение идеологии террора в контексте осуществляемых демократических преобразований, а также субъектный состав террористической деятельности. Борьба с террором требует четкости в определении его участников. Недопустимы размытые понятия субъектов всего ряда, от личности до государства. Задача данной статьи: определить социально-экономические, политические